

АРХИВ

Е. О. Путилова

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ, МАРИЯ ПОЖАРОВА, ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ, ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Уникальным вкладом в историю детской литературы стали архивно-биографические разыскания Евгении Оскаровны Путиловой. В рубрике «Архив» мы публикуем по просьбе Евгении Оскаровны четыре, по ее мнению, лучших работы этого жанра — статьи об Александре Анненской, Леониде Пантелееве, Марии Пожаровой и Лидии Чарской. Они были подготовлены для энциклопедии «Литературный Санкт-Петербург: XX век», изданной сотрудниками Филологического факультета СПбГУ в 2011 г. На текущий момент эта книга относится к разряду редких, а ее электронный вариант проходит стадию подготовки.

АННЕНСКАЯ Александра Никитична (урожд. Ткачева) [29.6(11.7).1840, имение Сивцево Великолукского у. Псковской губ. — 6(19).5.1915, Пг.] — детский писатель, переводчик.

Родилась в помещичьей семье, сестра изв. участника народо-вольческого движения, публициста и критика Петра Никитича Ткачева. Рано лишилась отца, в 11 лет с матерью, младшими сестрой и братом переехала в СПб. В 1851–56 училась в немецком пансионе. Зная французский, английский и немецкий яз. в 16 лет сдала в СПб. ун-те экзамен на должность домашней учительницы. Два года работала в воскресной школе, попытка создать частную не удалась из-за отсутствия средств. В 1861 поселилась в семье Ф. Н. Анненского, брата своей матери, домашней учительницей младших детей. Один из них, Ин. Анненский, передал потом атмосферу уроков, для него в голосе молодой учительницы слышалась «музыка сфер», он не столько учился, сколько любовался ею: «В стул утопая коленами, / Взора я с Вас не сводил, / Нежные, с тонкими венами, / Руки я ваши любил...» («Сестре»). В 1868, в небольшой церкви под СПб., уговорив старенького священника, А. обвенчалась со старшим двоюродным братом, Н. Ф. Анненским (в будущем изв. статистиком Министерства путей сообщения). С этого времени А. будет постоянно следовать за мужем в его различных ссылках. В первой, Вышневолоцкой пересылочной тюрьме, произойдет встреча Анненского

и В. Короленко. В «Истории моего современника» Короленко вспоминал: «Александра Никитична, известная уже и тогда писательница для детей, решила следовать за мужем с племянницей <...> и мне казалось вероятным, что наши сдружившиеся семьи смогут устроиться где-нибудь вместе». Пути их временно разойдутся, но потом, с 1887, они находились вместе уже долгие годы в Нижнем Новгороде, обе семьи оказались в центре нижегородской обществ. жизни, объединив вокруг себя прогрессивную интеллигенцию. Но были и веселые сборы, и дружеские вечера. Племянница, дочь покойной сестры А., впоследствии детская писательница, Т. Богданович (1873–1942, друг Л. К. Чуковской), писала: «Когда я вспоминаю то время, оно мне представляется каким-то светящимся, полным содержания жизни и веселья». Принимала энергичное участие в организации и деятельности Бестужевских курсов. Почти все заседания по орг. вопросам проходили на квартире Анненских или их друга, писателя Н. Михайловского. Переводы А., кот. делались сначала ради заработка (полит. отдел «Биржевых ведомостей», 1869–72), постепенно становятся подлинной лит. работой (повести Дж. Гринвуда, С. Крокетта). Особое место в лит. работе А. занимают ее худож. и научно-худож. книги, посвящ. биографиям выдающихся людей (печ. в изд. Ф. Павленкова, в серии «ЖЗЛ»). Можно удивляться широте ее интересов: «Чарльз Диккенс» (СПб., 1892), и «Н. В. Гоголь» (СПб., 1891), «Франсуа Рабле» (СПб., 1982) и «Оноре Бальзак» (СПб., 1895), в этом ряду кн. о путешественниках и людях науки — в каждой из них А. стремилась показать человека во всей неповторимости его личной судьбы, увлечь читателя примером высокого служения своей цели, идеалу, будь то Аврора Дюдеван, ставшая знаменитой писательницей и создавшая романт. женские образы («Жорж Занд». 1894) или захватывающий своими приключениями Свен Гедин («Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан». СПб., 1899), проявивший в самых трудных условиях мужество и выносливость к страданиям и одержимый лишь одной идеей — достичь цели путешествия. Кн. были рассчитаны, в основном, на юного читателя.

Лит. деятельность А. началась и проходила под знаком идей «шестидесятников» и статей ж. «Современник», связанных с проблемами нравств. воспитания человека. Характерен ее перевод и худож. пересказ «Робинзона Крузо» Д. Дефо (СПб., 1872). В отличие от оригинала, в пересказе А. на перв. место выходит линия нравств. совершенствования героя, отсюда его иные отношения

с Пятницей, кот. на острове не раб, а друг и товарищ. Совсем иначе смотрится путь трудных испытаний героя. Кн. полюбилась читателю, при жизни А. вышло 7-е изд. Широкое распространение получил и ее сокращенный перевод кн. Д. Гринвуда «Маленький оборвыш». Переводила также С. Крокетта и др.

В 1871–88 сотрудничала в ж. «Семья и школа», напеч. в нем роман «*Чужой хлеб*» (1871. № 9–10; 1872. № 1–2), повести «*Находка*» (1872. № 3), «*Сильный мальчик*» (1872. № 4–5), «*Товарищи*» (1873. № 6–8), «*Детство Чарльза Диккенса*» (1872. № 6) и др. В своих произведениях А. рисует жизнь не вымышленную, а настоящую, с ее драматизмом и радостями, победами и поражениями. Она вводит в детскую лит-ру образ «разночинца», изображая детство мелкой городской бедноты, прислуги, ремесленников, чиновников и трудовой интеллигенции.

Гл. место в лит. работе А. занимали ее повести и рассказы («*Всходы*», «*Семья и школа*», «*Родник*»). На перв. взгляд, А. любит создавать контрастные жизненные ситуации, большой сб. ее повестей и рассказов называется «*Свет и тени*» (СПб., 1903). На самом деле в кн. «*Брат и сестра*» (СПб., 1880, 4-е изд. — СПб., 1914), «*Мои две племянницы*» (СПб., 1882, 6-е изд. — Пг., 1915) А. ставит своих героев в одинаковые условия, хотя уже в самих названиях заложено противопоставление. А. заставляет читателя задуматься над разницей в таких понятиях, как «удовольствие» и «счастье», как «равнодушие» и «участие», «богатство» и «духовные радости», считая, что кн. должны знакомить ребенка с подлинной жизнью, «заменяя ему еще отсутствующий жизненный опыт». Занимательно строя повествование в мн. рассказах («*Гувернантка*», «*Старшая сестра*», «*В чужой семье*», «*Неудачник*»), писательница оставляет право читателю решать, кто из героев прав, какой герой и почему вызывает большую симпатию. Без сомнения, ее произведения вызывали «уважение к труду и личному достоинству человека, к какому бы сословию он ни принадлежал» (О. Флоровская).

В тв-ве А. выделяется роман «*Анна*» (СПб., 1881, 7-е изд. — Пг., 1914), где на долю героини выпадает причудливый жизненный путь от почти крестьянской девочки до окруженной роскошью барышни, судьба ее много раз будет меняться. Главное в романе — не в изменении внешних условий жизни героини, а в ее духовном прозрении, в том, что она сумела отделить подлинные ценности от мишуры, внешний — показной мир, от скромного, но истинно нравственного, чистого. Точная оценка тв-ва А. была

дана в ж. «Отеч. записки». Автор статьи как бы предупреждал родителей, что кн. писательницы не для всех. Они не для тех, «кто заранее мечтает о “карьере” для детей, мечтает о том, чтобы жизнь их детей сложилась по шаблону, по принципу — “как все”! В своих книгах А. Н. Анненская настойчиво и последовательно развивает идеи долга и служения людям, призывает к умственной и нравственной самостоятельности, то есть учит качествам, “слишком неудобным для мирного и беспечального прохождения по утоптаным жизненным путям”».

А. принадлежат кн. «*На лыжах через Гренландию*» (1897, переизд. 1922 под назв. «*Фритъоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к Северному полюсу*») и «*В Центральной Азии. Путешествие Свена Гедина в 1893–97 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан*» (1899).

С 1896 — сотрудник, а с 1898 редактор беллетристич. отдела детского ж. «Всходы». К 1890-м относятся работы А. в биографич. жанре, в т. ч. для серии «ЖЗЛ» биб-ки Ф. Павленкова: «*Н. В. Гоголь*» (1891), «*Ч. Диккенс*» (1892), «*Франсуа Рабле*» (1892), «*Жорж Санд*» (1894), «*Оноре Бальзак*» (1895). Биографии ученых, путешественников, общественных деятелей отражают стремление А. в каждом своем герое показать человека во всей неповторимости его личной судьбы, увлечь читателя примером высокого служения своей цели, идеалу.

В своих кн. А. настойчиво и последовательно развивает идею долга и служения людям, призывает к умственной и нравств. самостоятельности, отстаивает воспитательную роль детской лит-ры, кот. должна знакомить ребенка «с жизнью, до некоторой степени заменять ему еще отсутствующий жизненный опыт».

Оставила кн. воспоминаний «*Из прошлых лет (Воспоминания о Н. Ф. Анненском)*» (Русское богатство. 1913. № 1–2; 1914. № 7), посвящ. мужу, важнейшим, общественно значимым событиям его жизни и высоко оцененную Короленко. На каждой странице ощущается присутствие его неизменной спутницы, равноправной участницы этих событий. Написанные живо и увлекательно, воспоминания воссоздают живой, привлекательный образ самой писательницы, друга их семьи В. Короленко, передают атмосферу мн. лет жизни России.

Архив: ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 3; ИРЛИ, ф. 377; ГПБ, ф. 211, д. 312 (письма А. Г. Горнфельду); ГА Псковской обл., ф. 110, оп. 1, д. 976, л. 6, 9; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1910 г., д. 94.

Соч.: Чужой хлеб // Семья и школа. 1871. № 9–10, 1872, № 1–2; [Повести и рассказы]: Зимние вечера. СПб., 1877 (7-е изд. — СПб., 1914); Зимние вечера / вст. ст., сост. Е. Путиловой. Л., 1990; Н. В. Гоголь. Жизнь и тв-во. Аудиокнига (2008); Чужой хлеб. М., 2009; Брат и сестра. СПб., 2010; Девичьи судьбы: сб. СПб., 2011; Из истории старой России: сб. СПб., 2011; Без роду, без племени. Брат и сестра. Чужой хлеб: в 3 кн. СПб., 2011.

Лит.: Отеч. записки. СПб., 1880; Предисл. к сб. «О детских книгах». М., 1908; Что и как читать детям. 1915. № 11; Некрологи за 1915: «Русский Запад», № 5; «Речь», 7 мая; «Что и как читать детям», № 11; Бабушкина А. История русской детской лит-ры. М., 1948; Короленко В. СС. М., 1954. Т. 6; Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962; Молчанова М. Тв-во Анненской. 1870 гг. // Уч. записки Казанского пед. ин-та. 1975. Вып. 149; Молчанова М. Короленко в воспоминаниях Анненской // Уч. записки Казанского пед. ин-та. 1976. Вып. 168; Путилова Е. «Зимние вечера» А. Н. Анненской // Детское чтение для сердца и разума. СПб., 2005.

ПАНТЕЛЁЕВ Л. (наст. Алексей Иванович Еремеев) [22 (9).8.1908, СПб. — 9.7.1987, Л-д] — прозаик.

Родители — выходцы из старинных купеч. семей. Отец писателя во время русско-японской войны ушел в действующую армию, отличился, получил орден св. Владимира и личное дворянство. Детство П. прошло в обеспеченной семье, однако все изменилось с 1918. С этого вр. мальчик потерял связь с семьей и пополнил собой армию беспризорных. В 1921 попал в школу им. Достоевского для трудновоспитуемых и беспризорных детей, там получил прозв. «Ленька Пантелеев» (отсюда и псевд. «Л. Пантелеев», ошибочно воспроизводимый как «Леонид П.»). Зав. школой был выдающийся педагог В. Н. Сорока-Росинский (Викниксор). Выйдя из школы еще до окончания срока, два приятеля — Л. Пантелеев и Гр. Белых напис. вскоре, в теч. 2–3 месяцев, кн. «Республика Шкид» (М.-Л., 1927). Не следуя никакому сюжету, писатели нашли удобную для себя форму повествования. Они выстроили кн. из отдельных как бы не связанных между собою глав (каждый мог выбрать свою, первые десять глав — Белых), посвятив каждую какому-то одному захватывающему событию. Они описали все самые яркие факты из жизни Шкиды (Школа им. Достоевского), где было много «бузы», много смешного, драматического, а порой и трагического, но где проявилось и огромное желание жить по-другому (одно время в Шкиде на 60 воспитанников выходило 60 газ., каждый был издателем).

Кн. имела ошеломительный успех, однако и ряд серьезных критич. отзывов в педагог. кругах — там, где ее восприняли не как худож. произведение, а как документальное. Среди самых негативных статья Н. К. Крупской: повесть ее встревожила, она увидела

в содержании «Республики Шкид» чуть ли не черты прежней бурсы, «много просчетов заведующего школой Викниксора, вплоть до существования карцера». «Факты давят на авторов, они у них в плену, явления не типизированы» (Д. Тальников). Много позднее, в 1937 (кн. уже была изъята из обращения) А. Макаренко подверг «Республику Шкид» самой резкой критике: «...эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи», в основном она заполнена описанием «весьма несимпатичных приключений “Шкиды”». Особенное осуждение вызвал метод Викниксора: “это карцер, подозрительные дневники, похожие на кондуит”, убеждавшие “в полном бессилии” заведующего Школой “перед небольшой группой сравнительно легких и способных ребят”». Поддержал книгу А. Воронский. Посетовав, что рукописи не коснулась рука ред., замечает: «Тем не менее книга читается с исключительным интересом и является произведением замечательным». С. Маршак был убежден, что кн. не требует редактуры (офиц. ред. числился Евг. Шварц), надо было сохранить свежесть и непосредственность стиля авторов, «они не соблазнились упрощениями, не сгладили углов, не обошли трудностей» (С. Маршак). Об этом же вспоминает Л. Чуковская: забота Маршака заключалась в том, чтобы кн. «не утратила жизненной подлинности, молодого задора, остроты и свежести юношеских впечатлений». М. Горький назв. «Республику Шкид» книгой «преоригинальной, живой, веселой, жуткой», особенно выделяя «монументальный образ» Викниксора. Он засыпал письмами об этой кн. многих писателей, особенно восторженное писал в Куряж к Макаренко, сравнивая двух педагогов в их огромной работе (ответа на письмо Горького в свое время не последовало). Сам Сорока-Росинский, уже тогда, после первых дискуссий, оценил повесть как худож. произведение, где авторы «вовсе не претендовали на роль летописцев Школы... и смело соединили факты с вымыслом и прозаическую действительность с поэтической фантазией». Он же, спустя десятилетия, в рукописи «Школа имени Достоевского» (находится в доме сына педагога, К. Росинского, копия хранится в Музее РГПУ им. А. И. Герцена) с большой теплотой одобрил кн. и отделил то, что казалось увлекательным для молодых писателей и что было на самом деле, увиденное глазами заведующего Школой. Уже давно восстановлена подлинная биография Сорока-Росинского, имя его по праву вошло в историю педагогики. В теч. 10 лет повесть переизд. до 1936 ежегодно, была изъята из обращения после ареста Белых (умер в тюремной больнице,

1938). Выход кн. (с вст. ст. С. Я. Маршака — Л., 1960) можно считать вторым ее рождением. В 1966 по ней снят фильм (реж. Г. Полока, в роли Викниксора С. Юрский).

К теме беспризорника П. обращался еще мн. раз: «*Карлушкин фокус*» (Пионер. 1928. № 10; отд. изд. — М.-Л., 1933), «*Портрет*» (М.-Л., 1928) и в одной из лучших своих повестей «*Часы*» (М.-Л., 1929), где автору удалось создать колоритную фигуру беспризорника и воришки Петьки Валета; повесть, где явственно звучит жаргон 1920-х, и так удачно сочетаются смешное и серьезное в облике героя, где «проявилось мастерство в построении сюжета, всегда напряженного, полного неожиданностей, крутых и резких поворотов», и, вместе с тем, «за приключениями и происшествиями ощущается лирическая глубина повествования» (С. Маршак).

В своем тв-ве П. сам выделил две темы: «*Рассказы о подвиге*» и «*Рассказы о детях*». Среди его многочисл. рассказов о подвиге («*Ночка*», «*Первый подвиг*», «*Гвардии рядовой*», «*На ялике*», «*Главный инженер*») особое место занимает повесть «*Пакет*» (М., 1933): именно она дала возможность К. Чуковскому определить «мускулатуру таланта» П., проявляющую себя в выразительности его языка, в яркости речевых характеристик. Удачу повести, трагич. и одновременно комич., Чуковский увидел в том, что герой «живет перед нами именно благодаря своей простонародной живописной, выразительной речи...». Из множества рассказов о детях («*Маринка*», «*Долорес*», «*Платочек*» и др.) неизменной популярностью пользовались рассказы «*Честное слово*» (Костер. 1941. № 6; отд. изд. — М., 1943, под тем же названием был снят фильм — Мосфильм, 1957), «*О Белочке и Тamarочке*» («*В лесу*» // Чиж. 1940. № 9, полностью Л., 1947, по рассказам вышло несколько телефильмов) и «*Буква “ты”*» (Мурзилка. 1945. № 8; отд. изд. — М., 1945): в этих рассказах совсем др. стилистика, др. ритмич. рисунок, у каждого героя свой характер, автор стремится постичь сложность разговора с ребенком: совершенно по-разному взрослый и ребенок воспринимают мир, слово, язык.

В 1938 готовился однотомник П., но вместо автобиогр. справки автор напис. небольшую повесть «*Ленька Пантелеев*». Продолжая работу над кн., писатель мн. переделал в ней. В 1952 она была опубл. в сб. «*Рассказы и повести*» (Петрозаводск, 1952) и с новыми дополнениями (Л., 1954). В этой повести автор делает попытку описать подробно свою жизнь, начиная с самого раннего детства и кончая уходом из Шкиды. Кн. вмещала в себя события мн. лет — дореволюционных, революцию, нач. 1920-х; на ее стра-

нищах запечатлелись образы близких и далеких людей, мн. моменты истории России глазами юного участника и свидетеля этих событий. Повесть имела большой успех. В посмертной публикации «Л. Пантелеев. Повесть “Ленька Пантелеев и моя подлинная биография”» (Нева. 1994. № 4), подробнее прояснится роль «автобиографического момента в повести».

В сент. 1941 милиция сообщила П., что он подлежит высылке из Л-да. П. жил тайно до июля 1942, когда был вывезен из блокадного города А. Фадеевым, по просьбе С. Маршака. Но П. продолжал работать, делал записи, вел дневник жизни города. По мат-лам этих записей П. подготовил кн. «В осажденном городе» и «Январь 1944» (кн. «Живые памятники». М.-Л., 1966).

Посл. прижизненная кн. П. «Приоткрытая дверь. Из старых записных книжек. 1924–1947» (Л., 1980), в ней писатель возвращается к своему детству («Дом у Египетского моста») подробно вспоминает о людях и событиях, с кот. свела его жизнь. На стр. книги П. неожиданно делится с читателем важной и потаенной мыслью — он признается, что больше не хочет заниматься сочинительством: чем дальше, «тем больше тянет меня на чистую правду». Размышляя над своими кн., он убеждается: всегда то, что в его лит. жизни «более или менее удавалось», основано было, как правило, «на его личных наблюдениях и переживаниях, порой очень глубоко запрятанных в подсознании... в основе всякого стоящего сюжета каждый раз лежало нечто подлинное, испытанное, пережитое...». Вместе с тем, не в меньшей степени он испытывал «радость придумывания»: если внимательно всмотреться в кн. писателя, постеп. создается ощущение, что все они как бы представляют собой один роман — конечно, не в традиционном смысле слова: «Ленька Пантелеев», «Республика Шкид», блестящие портреты «Маршак в Л-де», «Шварц» («Живые памятники»), воен. повести, «Наша Маша» (Л., 1966), «Приоткрытая дверь», мы как бы в абсолютной последовательности читаем роман, название кот. «Л. Пантелеев». Но роману этому не хватало чего-то существенного: все время создавалось впечатление, что автор сказал не все, что-то важное скрыл от нас. Теперь, когда посмертно вышла его кн. «Верую» (предисл., сост., подг. текста С. Лурье. Л., 1991), роман этот дополнился существенными представлениями об автобиогр. герое, образ его стал во многом понятнее и ближе.

Соч.: СС: в 4 т. / вст. ст. К. Чуковского; прим. Г. Антоновой, Е. Путиловой. Л. : Детская лит-ра, 1970–72; СС: в 4 т. / прим. Н. Приймы, Е. Путиловой. Л. : Детская лит-ра, 1983–85.

Лит.: Крупская Н. Воскресшая бурса // Правда. 1927. 20 март.; Тальников Д. «Республика Шкид» // Красная новь. 1927. № 9; Горький М. СС: в 30 т. М., 1953. Т. 25; Чуковский К. Мускулатура таланта // ЛГ. 1954. 4 дек; Макаренко А. Детство и лит-ра // Макаренко А. СС. Т. 7. М., 1958; Сарнов Б. Пантелеев. Критико-биограф. очерк. М., 1959; Маршак С. Об этой книге // Пантелеев Л. Республика Шкид. Л., 1961; Воронский. А. Лит.-критич. статьи. М., 1963; Чуковская Л. В лаборатории редактора. М., 1963; Ивич А. Воспитание поколений. М., 1967; Путилова Е. Л. Пантелеев: Очерк жизни и тв-ва. Л., 1969; Рахманов Л. Л. Пантелеев и Алексей Иванович // Костер. 1969. № 8; Успенский Л. Необщее выражение // Нева. 1969. № 9; Маршак С. Мир в картинах // Маршак С. СС: в 8 т. М., 1972. Т. 7; Путилова Е. Началось в республике Шкид. Л., 1986; Разгон Л. Началось в республике Шкид // Лит. обозрение. 1987. № 6; Путилова Е. Приоткрытая дверь в мастерскую (к столетию со дня рождения А. И. Пантелеева) // Нева. 2008. № 8; Рубашкин А. Прямой, неsgi-баемый, честный // СПб. ведомости. 2008. 21 авг.

ПОЖА́РОВА Мария Андреевна [10.6 (29.5).1884, М. — 4.3.1959, Л-д] — поэт.

Из дворян. Биограф. сведения о П. очень скупы. Дочь полковника Гренадерской дивизии. «Отец Андрей Алексеевич Пожаров, начальник штаба 3-й гренадерской дивизии, полковник, окончил две академии. Умер, оставив жену с тремя дочерьми, младшей было три года. Мать с детьми перебралась в Петербург» (ИРЛИ. Архив М. А. Пожаровой. Дневник. Ф. 376. № 218. Л. 1–2). Семья жила в пост. нужде. Получ. среднее образование.

Тяжело больная, прикованная к постели костным туберкулезом, нашла свое призвание в лит-ре. С детских лет писала сказки.

Перв. стих. «Сивилла Дельфийская» (Ж-л для всех. 1904. № 5). С этого вр. активно печ. в ж. «Русская мысль» («Вереск» — 1909. № 6), «Весы» («Лесное сердце», «Лесу», «Камень» — 1909. № 7), «Аполлон» («Лесные качели» — 1910. № 9), «Огонек» («Пряха туманов» — 1916. № 33), «Нива» и др. Стихи были замечены. В письме к П. (17.2.1909). В. Брюсов писал: «Форма в Ваших стихотворениях мне кажется весьма совершенной, почти безукоризненной. Я верю, что Вы можете стать сильным художником» (Дневник. Л. 143). И. Анненский увидел в стихах П. «очаровательно-женские темы», «заразительное созерцание», своеобразный лиризм: «И эта риторика, когда ее смягчает женский голос, смягчает своей певучестью и вкрадчивым обаянием безвластия... покорности... уступок... как она в сущности берет» (Анненский И. О совр. лиризме // Аполлон. 1909. № 3). Стихи одобрила З. Гиппиус. И все же имени П. не знали, хотя при знакомстве с ней Н. Гумилев вспомнил ее стихи и положительно отозвался об опубл. в «Аполлоне» (Дневник. Л. 66), а С. Есенин знал многие наизусть.

По отношению к нач. периоду творч. биографии П. можно говорить об опред. парадоксе: она не входила ни в одно поэтич. объединение, не принадлежала ни к одному лит. кругу, ни разу не издала свои стихи отд. книгой, объясняя это так: «даже боялась подумать» о собственном сб., т.к. в это время выходили «книги таких замечательных поэтов, как Блок, Гумилев, Ахматова, Брюсов, Цветаева, Вяч. Иванов, Кузмин. Я восхищалась ими» (Дневник. Л. 181). П. жила замкнуто (особенно после поездки в Италию, где пережила любовную драму): «Я боюсь людей, не умею говорить с ними» (Дневник. Л. 66), время чаще всего проводила в лесах Финляндии, испытывая «горькую сладость» лесного одиночества: «Лес мой, вещей мой лес! Ты простер мне зеленые руки, // В колыбели твоей позабуду печали и страх» («Лесное сердце»). П. считала, что «стихи должны быть похожи на исповедь, на молитву... В стихах человек должен стоять с обнаженной душой». В «Ежемесячном ж-ле» В. Миролубова печ. подборку религ. стихов (1916. № 6).

Постепенно ее лит. «отшельничество» уступает усилиям П. Соловьевой, М. Моравской, она посещает лит. вечера, становится членом «Кружка К. К. Случевского», знакомится со мн. литераторами, начинается ее большая переписка с изв. издателем В. Миролубовым. В марте 1916 участвует в благотворительном Концерте «Поэтессы маленьким беженцам» (проходил в зале Тенишевского училища, среди участниц объявлены А. Ахматова, Моравская, Л. Рейснер, Тэффи, А. Чумаченко и др.). Критика (Пг. ведомости. 1916. 16 апр.) отметила «потрясающие своей скорбью» стих. «У гроба» (Ежемесячный ж. 1916. № 1), «Обреченная. Памяти матери» (Русская мысль. 1916. № 4), кот. К. Чуковский назовет впоследствии одним из самых необыкновенных, скажет о его «выстраданной красоте» и спустя десятилетия, после гибели сына, не сможет читать «без волнения, слез о самом себе». Прикованная к постели («Я больна всю долгую зиму, / Окошко мое в тени. / Без жизни проходят мимо / Мои ослепшие дни...»), она продолжает работать. Она не только полностью собрала из журн. публикаций свои стих., переписав их в отд. тетрадь с указанием источника, но и продолжала работать над ними, оставив многочисленные правки (Архив М. Пожаровой). Более того, «вопреки всем физическим и логическим законам» выжила в блокаду, помогала «страстная вера в невозможность порабощения России», а реально помогал через Литфонд писатель Л. Карасев. Мн. стих. посвятила детской (инвалидной) колясочке («Коляска»: «Я не сдаюсь,

я не позволю...»), в кот., уже потом, ее вывозили гулять. Эти стих. Маршак оценил как «прекрасные... большой поэтической высоты». Зная, какие нелегкие испытания выпали на ее долю, он писал: «...сохранить такую силу души, такую прочность таланта — дело не простое. Это почти подвиг». Вместе с радостью от победы приходит и радость обширной переписки: с А. Ганзен, Н. Дилакторской, О. Форш, молодыми писателями Л-да.

С 1908 по 1917 шла вторая лит. жизнь П. (в кот. она поначалу вступила ради заработка, потом увлеченно). С этого вр. пост. печатала сказки для детей («Летучая хатка» // Нива. 1908. № 1, 2, «Маленький Люль: Сказка для детей». СПб., 1911, «Волшебная ночь». СПб., 1913, 1914, «В гостях у месяца», «Светлячок», 1916) и множество стих. в ж. («Задумчивое слово», «Родник», «Светлячок», «Галчонок», «Тропинка», с издателями ж. П. Соловьевой и Н. Манасеиной дружила). Ее стих. для детей внесли в поэзию ощущение праздничного, радостного отношения с природой: «Даль воздушная прозрачна и тепла, / На лужайке повилика расцвела...» («Повилика»), «Шумят леса, цветет земля, / Поет-звенит ручей: / “Пришла весна, пришла весна — В одежде из лучей!”» («Пришла весна»). Страшное и таинственное ее «взрослых» стих. оборачивается сказочным и волшебным, не страшны даже «заклинания зимы». Лес, природа открыты ребенку. «Вглядись, подумай, вслушайся: / Ты больше не одна! / Друзей дарит бесчисленных / Лесная глубина» («Девочка в лесу»). В отличие от одинокой души, здесь пробуждаются совершенно другие чувства: «Радость в шуме лесном, / Радость в сердце живом!» Мир детства, существующий в окружении живых зверьков и игрушек, строится по законам человечности и доброты. Без страха, полная надежд, вступает ее героиня в юный мир: «И я, крылатая, с весенним вольным пенем, / Несу к нему мои пятнадцать лет!» («В день рождения»). Стих. были доброжелательно оценены критикой: «...настоящая художественная литература начинает, наконец, проникать в детскую». П. «воспитывает душу ребенка, не пытаясь его поучать», стихи ее обо всем, что близко ребенку... главное в них чувство доброты, любви и жалости» (Моравская М. Бубенчики М. Пожаровой // Ежемесячный ж. 1915. № 11). Стих. для детей стали главными в тв-ве П. до конца дней. Поддержанная Горьким и Маршаком, П. печатается во мн. детских ж-лах («Мурзилка», «Октябрюта», «Искорка», «Костер»), стих. входят в хрестоматии, выходят отд. кн. В предисл. к посмертной публикации стих. П. С. Маршак писал: «Когда твои

отец и мать / Впервые начали читать, / Они в своем журнале / Пожарову читали» (Костер. 1959. № 8).

Вышла детская кн. *«Веселый уголок. Книга рыженькой Ирочки. Рассказы для маленьких детей»* (СПб., 1914). Ее стих. печ. в «Заветах» (1913. № 2); в сб. «Радуга: Рус. поэты для детей» (Берлин, 1922). В сб. стихов и прозы «На памятник А. П. Чехову» (СПб., 1906) — «Во дворе» (“Двор, как темная могила...”). В лит. сб. «Гамаюн» (СПб., 1911) — стих. «Длился полдень багряный и сонный...». В сб. «Чтец-декламатор: Стихи и проза» (Т. 3. Изд. 2-е. Киев, 1909). В «Антологии современной поэзии. Чтец-декламатор» (Т. 4. Изд. 2-е. Киев, 1912); ж. «Красная новь» (1921. № 1). Стихи П. вошли в сб.: «Рождественская елка» (М., 1912), «Совр. русские лирики. 1907–12» (СПб., 1913), «Цветник» (М., 1915), «Страда: Кн. 2» (Пг., 1917). Позже издала неск. детских книжек — «Солнечные зайчики» (1924); «Наша мостовая» (1930); «Ручеек» (1947); «Стихи для детей» (1950) и др.

Отд. место в тв-ве П. занимает ее дневник (было, по ее сообщению, два, первый до 1906 потерян, второй велся с 1906 по 1959). Страницы этого дневника — открытая исповедь человека думающего, страдающего, неудовлетворенного собой, находящегося в пост. поисках своего места в поэзии и в жизни, человека, на долю кот. выпало много испытаний и мало радостей (исключение несколько счастливых месяцев в Италии, где ей сопутствовали успех и короткая любовь). Значительный интерес представляют страницы, передающие впечатления от каждого ее пребывания в лит. кругу, особенно удачны портрет Гумилева, портретные зарисовки Есенина, Н. Клюева, М. Бекетовой, Б. Садовского, А. Ремизова, кот. «напоминает нежить лесную, какое-то славное всклокоченное чудище. От него пахнет и стариной, и старообрядчеством и кикиморой». Пост. неверие в себя сказывается на ее отношении к дневнику, она не видит в нем никакого интереса для окружающих. Все чаще на последних страницах она задумывается над необходимостью уничтожить эти записи, но сама не может на это решиться. Посл. запись кончается категорической просьбой: эту тетрадь сжечь. Сотрудники ИРЛИ и его тогдашний директор, В. Базанов, просмотрев тетрадь, увидели в ней богатейший жизненный и лит. мат-л. Здесь надо заметить: многочисленные письма, адресованные и полученные лично П., существуют в дневнике в виде тщательных копий (сохранились неkot. конверты). Можно предположить: находясь пост. в состоянии крайней бедности, с неразрешимыми проблемами одежды, обуви, белья,

П., вероятно, вынуждена была расставаться с оригиналами. Сейчас мн. из них находятся в РГАЛИ, в различных описях и ед. хр. без ссылки на дневник. Дневник П., а также множество др. документов (хлопоты об увеличении пенсии, о перемене страшной квартиры на другую и т. д.) остались в полной сохранности.

Архив: ИРЛИ РАН. Ф. 376. № 218; ЦГАЛИ СПб. Ф. 1868.

Соч.: Весенняя сказка // Сказки русских писателей. СПб., 1909; Среди детей, игрушек и зверьков. СПб.-М., 1911; Веселый уголок. Книга рыженькой Ирочки. СПб.-М., 1914; Бубенчики: Стихи. М., 1915; Солнечные зайчики / под ред. М. Горького. Л., 1924; В избе. М., 1927; В саду. Л., 1927; Под парусом. М.-Л., 1927; Венник. М., 1928; На улице. М., 1928; Кто с чем идет. М., 1929; Городок: Загадки. М., 1930, 2-е изд. — М.-Л., 1946; Наша мостовая. Л., 1930; Ручеек / под ред. С. Маршака. М.-Л., 1947; Стихи для детей. М.-Л., 1950; Стихи для детей. Л., 1953, 2-е изд. — 1956; Колодец. М., 1979; Русская поэзия детям: в 2 т. / Вст. ст., сост. Е. Путиловой. СПб., 1997.

Лит.: Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. 1934–81 / авт.-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л. : Лениздат, 1982.

ЧАРСКАЯ Лидия Алексеевна (урожд. Воронова, в замужестве Чурилова) [19 (31).3.1875, Царское Село — 18.3.1937, пос. Чкаловское Адлерского р-на Краснодарского края; похоронена в Адлере, на Смоленском кладб. в Л-де установлен кенотаф] — прозаик, поэт.

Родилась в семье воен. инженера, полковника. Мать умерла при родах, отсюда мотив сиротства, повторяющийся из книги в книгу. В 1886–93 находится в Павловском женском ин-те СПб. После окончания ин-та выходит замуж за офицера Б. Чурилова, совм. жизнь продолжается недолго. Оставшись с ребенком, Ч. начинает самостоятельную жизнь, поступает учиться на театрально-драматич. курсы, в 1898 попадает на единственное вакантное женское место в СПб. Императорский театр (ныне Александринский), под псевд. Л. Чарская, этим псевд. она подписывает и свои кн. Ч. играла роли субреток или старух, а мечтала о Катерине в «Грозе» или Луизе Миллер в трагедии Шиллера: стать наст. актрисой мешает страсть к сочинительству.

Перв. повесть Ч. «*Записки институтки*» напеч. в ж. «Задушевное слово» (1901; отд. изд. — СПб.-М., 1902), с этого вр. ж. печ. повести Ч. ежегодно, принося автору небывалую славу «кумира» юных читателей, властительницы дум неск. поколений русских детей. Была учреждена стипендия ее имени. Особенным успехом пользовалась «*Княжна Джаваха*» (М.-СПб, 1903). Тысячи поклонниц книги приходили к Новодевичьему монастырю, к «могиле» Нины. «Памяти Нины Джаваха» посвятила стих. М. Цветаева в кн. «Веч. аль-

бом»: «Всему внимая чутким ухом, / Так недоступна! Так нежна — // Она была лицом и духом / Во всем джигитка и княжна».

В 1912 появилась ст. К. Чуковского «Лидия Чарская». Автор статьи увидел в книгах Ч. лишь «фабрику ужасов», где механически изготавливаются по одним и тем же моделям «все те же ужасы, те же истерики, те же катастрофы и обмороки», на каждой странице «истертые слова, истертые образы, застарелые привычные эффекты». Ст. сыграла впоследствии роковую роль в судьбе писательницы.

Инструкция полит.-просвет. отдела Наркомпроса (1920) предлагала изъять из обращения кн., восхваляющие монархию, церковь, не удовлетворяющие идейным и педагогич. требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список по объему сам составил целую кн. При переизд. «Инструкции» мн. имена возвращались, но имя Ч. подлежало изъятию навсегда. Особенно строгие наблюдения велись над пионерами, в классах устраивались церемонии «суда» над Ч., ее книги определялись как лит-ра пошлая, сентиментальная, мещанская. По мнению В. Шкловского, кн. Ч. были «пищей карликов», в отличие от настоящей лит-ры — «пищи богов», они тормозили развитие юного человека. Однако «подпольное» положение Ч. было прочным. Уже в 1930-е С. Маршак заметил: «“Убить” Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так легко. Ведь она до сих пор продолжает жить в детской среде, хотя и на подпольном положении».

Причину и опасность популярности Ч. угадала и объяснила Е. Данько: у читателя, лишённого увлекательной лит-ры, «дух захватывало» от картин, где герои Ч. (часто это были переодетые девочки) шли навстречу опасностям. Читатель, захваченный приключениями, «даже не замечал, что в этот момент он «сочувствует классовому врагу» (курсив мой. — Е. П.). Ист. книги Ч. «Смелая жизнь» (СПб., 1905), посвященная Надежде Дуровой, и «Газават» (СПб., 1906) тоже строились на увлекательном сюжете. Излюбленными были два сюжета. Один из них связан с популярнейшей темой в мировой лит-ре о брошенных, потерянных, похищенных детях, об их порой удивительной судьбе. В силу роковых обстоятельств герои кн. Ч. «Сибирочка» (СПб., 1908), «Лесовичка» (СПб., 1909), «Щелчок» (СПб., 1912) и др. оказались оторванными от родного дома. Герои попадают в глухой лес, в воровской притон, за монастырские стены, в цыганский табор, на арену цирка и т. п.

Они познают жестокость, побои, нищету. Однако герои находят доброту, сердечность, навстречу им неожиданно появляется смелый, великодушный мальчик или хрупкая нежная девочка. Героев Ч. нельзя заставить совершить дурной поступок, они бескорыстны и справедливы, терпеливы и добры. В конечном счете побеждает их душевная красота и обаяние.

Другая, может быть, самая гл. тема Ч. была связана с жизнью девушек в Павловском ин-те: «*Записки институтки*», «*Княжна Джаваха*», «*Люда Влассовская*» (СПб., 1904), «*Белые пелеринки*» (СПб., 1906), «*Юность Лиды Воронской*» (СПб., 1912), автобиогр. книги «*За что?*» (СПб., 1909), «*Большой Джон*» (СПб., 1910), «*На всю жизнь*», «*Цель достигнута*» (обе — СПб., 1911). В отличие от приключ. повестей эти кн. показывают жизнь, ограниченную одной площадкой, глухими стенами закрытого женского учебного заведения. Чуковскому атмосфера этих повестей показалась «душной», а поведение девушек слишком экзальтированным. Но так полно об этой жизни Ч. сказала первая, и читателю открылось то, чего он совсем не предполагал. Грубая одежда, скудная пища, строгий распорядок дня, дортуар, в кот. размещалось 40 детей, навсегда установившиеся обычаи и традиции, потеря связи с внешним миром на семь лет. Маленький случай превращался здесь в большое событие, а одна душа искала возможность прилепиться к другой. Ч. затронула мн. из тех конфликтов, кот. были характерны для гимназич. повестей, но здесь эти конфликты решались с большей готовностью к прощению, к покаянию. Ч. обвиняли в излишней экзальтированности: в ее кн. взрослые и дети не только горячо любят друг друга, но и говорят об этом пылкими словами, не стесняясь своих чувств. Именно эти особенности героев Ч. казались чуждыми, вредными и даже преступными для нового пролетарского читателя.

Особое место в тв-ве Ч. занимает ее кн. «*Сказки голубой феи*» (СПб., 1909). Как ни разнообразны сюжеты сказок, так или иначе они приводят к мысли: все люди одинаково равны перед торжеством добра, правды, справедливости. Иногда финалы сказок кажутся упрощенными, сентиментальными. Но в каких-то сказках Ч. проявляет глубокое понимание правды жизни. Неправдоподобным выглядит конец сказки, когда жестокий боярин, испытавший сам, по случайности, муки голода, будет потом всегда раздавать свое добро всем нуждающимся («*Чародей-голод*»). Гораздо полновеснее звучит сказка о прекраснодушном короле, убедившемся

в том, что все его попытки помочь одной лишь своей добротой всем подданным, не могут принести успеха («Король с раскрашенной картинки»). Гл. героиня этой кн. — Сказка, и Ч. создает удивительный ее портрет: она очень стара и, одновременно, молода и прекрасна. Эта интереснейшая мысль о природе сказки станет уже через многие десятилетия основной в ст. Маршака «Сколько лет сказке?»).

Долгие годы о Ч. не вспоминали, но в 1950–60-е начали раздаваться совсем др. голоса и др. оценки книг Ч.: с теплотой вспоминает ее В. Панова, воздает ей должное Б. Васильев, говорит о Ч. как о писательнице, имя кот. «некогда знали дети всей читающей России», благодарит ее за эмоциональные уроки любви к родной истории. С особым чувством пишет о Ч. Л. Пантелеев: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне...» Самая большая и значительная статья о Ч. обнаружилась недавно, при разборе большого архива Ф. Сологуба, статью он напис. в 1926, незадолго до смерти. Посланная в «Звезду», она была отвергнута ред. ж. Л. Сейфуллиной и вернулась в архив писателя. С копией этой статьи была ознакомлена Ч. Впервые за всю жизнь Ч. такой мастер внимательно проанализировал все стороны ее тв-ва. Полемика с теми, кто третировал Ч., приводит Сологуба, может быть, где-то даже и к завышенным оценкам произведений писательницы: «На всем протяжении русской детской литературы (а быть может, и всемирной) не было писателя, столь популярного среди подростков, как Л. Чарская». Автор называет тв-во Ч. «одним из лучших явлений русской лит-ры». Высшую этич. ценность произведений Ч. Сологуб увидел в том уважении, с каким писательница относится к детям. В тв-ве Ч. он ощутил глубокое понимание интересов подростков, кот. хотят «великих дел, подвигов, опасностей, катастроф во имя высшей справедливости» (Архив Ф. К. Сологуба. РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1, ед. хр. 571, названия у статьи нет). Глубоко тронутая статьей Сологуба, Ч. была уверена, что эта «чудесная оценка» вызвана частично жалостью к ней, «заживо замурованной и растерявшей за годы нужды и болезни все свои скромные ценности» (из письма Ч. к Ф. Сологубу // РО ИРЛИ. Ф. 289). Отвечая Ч., Сологуб еще раз в письме к ней ответил, что все сказанное в статье является «вполне искренним и правдивым». В посл. годы Ч. печ. ее не хотели даже под псевд., из театра она была уволена в 1924. Ч. умерла в нищете и голоде, хотя она ощущала пост. заботу семьи

О. Капицы, М. Зощенко, Е. Данько, В. Калицкой, а также детей, кот. приходили навещать писательницу, несмотря на строгий запрет.

Сейчас о Ч. пишут много и еще больше издают ее кн., подчас небрежно, а иногда и спекулятивно. Так, уже существует ПСС в 9 т. (М., 2006), состоящее из девяти тоненьких книжек, с совершенно новыми, придуманными названиями повестей Ч., с купюрами и мн. др. искажениями.

Соч.: Княжна Джаваха. СПб., 1903 (переизд. М., 1990); Для чего я пишу // Задушное слово. 1911. № 48; Смелая жизнь: Подвиги загадочного героя / предисл. В. Приходько. М., 1991; Повести / вст. ст., сост. Е. Путиловой. Л., 1991; Лидия Чарская: Второе рождение (Княжна Джаваха, Сибирочка, Щелчок). Саратов, 1992.

Лит.: Шкловский В. О пище богов и о Чарской // ЛГ. 1932. 5 апр.; Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3; Чуковский К. Л. Чарская // Чуковский К. СС. М., 1969. Т. 6; Маршак С. СС: в 8 т. М., 1971. Т. 7. Панова В. Заметки литератора. Л., 1972; Пантелеев Л. Как я стал детским писателем // Пантелеев Л. СС: в 4 т. Л., 1984. Т. 3; Васильев Б. Повести и рассказы. М., 1988. Т. 2; Глоцер В. Письмо Чарской К. Чуковскому // Русская лит-ра. 1988. № 2; Путилова Е. О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О лит-ре для детей. Л., 1989; Барон Л. Кумир молодежи дорев. России // Русская мысль. Париж, 1991. № 4144; Щеглова Е. Возвращение Л. Чарской // Нева. 1993. № 8; Путилова Е. Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская лит-ра. 1996. № 4; Полонская Е. Из лит. воспоминаний / предисл. и публ. В. Бахтина // Час пик. 1994. 21 сент.; Путилова Е. Charskaya Lidia // Dictionary of Women Writers. London, 1994 (совм. с Р. Зерновой); Путилова Е. Три жизни Чарской. «Русские писательницы и лит. процесс в кон. XVIII — перв. трети XX в. Slavistische Beitrage. Potstam, 1994; Коваленко С. Записки институтки / вст. ст. М., 1999; Матвеева А. Л. Чарская. Стиль сказочной прозы. Ярославль, 2005; Белоусов А. Анатомия успеха институтских повестей Л. Чарской: Институтка как тип языковой личности и ее влияние на девочек-подростков. СПб., 2007.